IV

ФАКТЫ И ЗНАКИ

Факты и Знаки

Исследования по семиотике истории

Под редакцией
Б. А. Успенского и Ф. Б. Успенского

Выпуск 4

Москва
Неолит
2020

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский

Князь Федор Телятевский и его небесные покровители

Именование Федора Андреевича Телятевского († 1645), одного из самых щедрых донаторов Кирилло-Белозерского монастыря, являет собой прекрасно задокументированный, так сказать, классический случай мирской христианской двуименности. В нашем распоряжении есть множество показаний источников, недвусмысленно демонстрирующих, что при жизни князь звался не только *Федором*, но и *Епифанием*[1].

[1] Ср. данные вкладных книг Кирилло-Белозерского монастыря: «По князе Феодоре Андреевиче Телятевском, прямое имя Епифаний, корм с поставца...» [Шаблова 2012, с. 117, 127] или записи в Кормовой книге Ярославского Спасского монастыря: «Того же дни (27 сентября) кормъ кормити по князѣ Ѳеодорѣ Андреевича Телятевскомъ, а имя ему Епифаний, на его преставленіе»; «Мая въ 12 день, кормъ кормити по князѣ Ѳеодорѣ Андреевичѣ Телятевскомъ, а имя ему Епифаний...» [Вахрамеев 1896, с. 19, 30]. Оба имени Телятевского названы и во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря (в связи со вкладом, который он сделал по своей жене, погребенной в этой обители): «И князь Федор Андреевич погребен в Кирилове монастыре, прямое имя — князь Епифаний» [Рыбаков 1987, с. 87 <л. 305 об.>]. Известны надписи на покровце и на плащанице, которые дал в качестве вклада в Кирилло-Белозерский монастырь зять (муж сестры) Федора / Епифания Телятевского князь Иван Андреевич Голицын. В этих надписях Телятевский упоминается только под именем *Епифаний*: «При державе Благовѣрнаго Государя Царя і Великаго Князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи здѣланъ сіи сударь повеленіемъ Боляріна Князя Ивана Анъдреевича Голицына в Кириловъ монастырь в церковь святаго отца Епиѳания Кипрьскаго по Князе Епифаніи Андрѣевіче Телятевскомъ лѣта 7145 <sic! должно быть 7154 = 1646> го месеца Сеньтебря 22 д.» ([Варлаам 1859, с. 53]; ср.: [Лихачева 1995, с. 109]); «Лѣта 7153 <1645> месеца Сентября въ 28 день на память Преподобнаго отца нашего... І ісповѣдника преставися рабъ Стольнікъ благовѣрный Князь Епифаній Андрѣевичь Телятевскій во 2 часъ нощи, а погребенъ бысть того же 153-го <1645> мѣсяца Апрѣля въ 26 д. на память Святаго Священно-Мученика Василия Епископа Амасійскаго и память иж во святыхъ отца нашего Стефана Епископа Пермскаго въ пречестнѣшей Обителі Персвятыя Владычица нашея Богородица и Приснодѣвы Маріа чест... і славнаго ея Успенія в кирилове монастыре а сій пок... лъ на гробъ Стольника благовѣрнаго Князя Епифанія Андрѣевича Телятевскаго Тверскаго Болярінъ Князь Иванъ Андреевичь Голицынъ» ([Варлаам 1859, с. 55–56]; ср.: [Лихачева 1995, с. 103–104]). В Синодике Кирилло-Белозерского монастыря в главе «Род князя Федора Андреевича Телятевского» упоминается как *князь Епифаний* [Глызина 2009], точно так же подаются сведения о Телятевском в Синодике Московского Новодевичьего монастыря [Павлов-Сильванский 1985, с. 239 <л. 39>].

Самый факт наличия у Телятевского двух имен не был обойден вниманием исследователей и публикаторов, однако в XIX в., в ту пору, когда на это обстоятельство впервые обратили внимание, феномен мирской христианской двуименности на время оказался подзабыт, и, соответственно, *Епифаний* неверно трактовалось как иноческое имя князя[2]. Иногда эта ошибка перекочевывает и в современные исследования, хотя существует специальная работа Л. И. Глызиной [2009], где наглядно и убедительно продемонстрировано, что оба имени — *Федор* и *Епифаний* — Телятевский носил в миру.

Сегодня, когда наши представления о масштабах и природе светской христианской двуименности в XIV–XVII вв. существенно расширились[3], тот факт, что князь носил оба этих календарных имени на протяжении всей жизни, едва ли может

[2] См.: [Варлаам 1859, с. 97 <примеч. 125>; Муравьев 1999, с. 207; Лихачева 1995, с. 108; Катасонова 2006, с. 29; Шаблова 2002, с. 169]. Между тем, насколько можно судить по дошедшим до нас источникам, князь Телятевский пострига не принимал.

[3] О феномене светской христианской двуименности см. подробнее: [Лихачев 1900; Тупиков 1903, с. 75–76; Успенский 1996; Соловьева 2002; Соловьева 2006; Литвина, Успенский 2006, с. 175–214; Литвина, Успенский 2006 (а); Успенский 2017; Литвина, Успенский 2018; Литвина, Успенский 2018 (а); Литвина, Успенский 2018 (б); Литвина, Успенский 2018 (в); Литвина, Успенский (г)]. Упомянем, кроме того, некоторые работы, где светская христианская двуименность так или иначе выделяется как самостоятельное явление: [Морошкин 1863, с. 528–529; Харузин 1899, с. 170–171; Эскин 2000, с. 144; Шаблова 2012, с. 67–70; Эскин 2013, с. 10–11, 18–19; Успенский, Успенский 2017, с. 74–77, 108–112].

вызвать хоть малейшее сомнение. Более того, антропонимическое досье Федора / Епифания Телятевского дает нам возможность вживе пронаблюдать как основные принципы выбора имен в рамках интересующей нас традиции, так и всю сложность и многомерность ее бытования. Дело в том, что это досье опирается на целый ряд достаточно разнообразных данных, среди которых есть и вполне материальные артефакты, и разной степени детализированности письменные свидетельства. В целом же христианская двуименность довольно редко оставляет нам столько следов своего присутствия — как правило, приходится быть благодарным за одно-единственное краткое упоминание, где два имени наконец-то появятся рядом в таком контексте, который позволит нам утверждать наверняка, что речь идет об одном и том же лице, а не, скажем, о двух братьях или о двух разных женах некоего человека. В подобной ситуации большинство закономерностей, связанных с функционированием этого явления, нам приходится выводить на основании сопоставления множества данных, относящихся к разным людям. Здесь же можно сказать, что целый их ряд явлен в одном казусе.

Так, весьма характерным образом одно из имен князя, *Федор*, является крайне распространенным и популярным и для элиты Московского государства, и для всех прочих слоев общества, тогда как другое, *Епифаний*, несравненно менее частотно. Традиционно более привычное для элиты имя становилось публичным, а употребление имени более раритетного ограничивалось сферой личного благочестия его обладателя[4] — именно

[4] Именно поэтому публичные имена знати в конкретную эпоху менее разнообразны, чем имена непубличные, — многочисленные тезки по публичному имени, как правило, оказываются обладателями совершенно разных вторых имен, если таковые у них имеются. Так, судя по материалам местнического дела, за должность при царице Марии Годуновой соперничают две вдовствующие княгини, Мария Пожарская и Мария Лыкова: «Лѣта 7111 <1602> Сентября въ 20 день <...> По Государеву, Цареву и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи указу велѣно быть у Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи Григорьевны всеа Русіи Княжъ Михайловѣ Княгинѣ Лыковой, Княгинѣ Марьѣ, а у Государыни

так и обстояло дело с именами Телятевского. Необходимо учитывать, впрочем, что при выборе публичного имени изрядную роль играли не только популярность и распространенность того или иного антропонима в определенном социальном слое, но и более индивидуальные семейно-родовые предпочтения. Если кому-либо выпадало по календарю общепопулярное, но не подходящее по родовым соображениям имя, то оно могло закрепиться в качестве непубличного, а публичным становилось другое, более актуальное для конкретной семьи[5]. Кроме того, целый ряд имен — таких, например, как *Никита* или *Александр* — могли с равным успехом выступать у разных людей и как публичное, и как непубличное. Изредка встречаются и неожиданные казусы, когда, казалось бы, более раритетное имя фигурирует в качестве публичного, а заведомо более частотное — в качестве непубличного[6]. Иными словами, просто

Царевны и Великія Княжны Ксеніи Борисовны всеа Русіи матери его <Дмитрия Пожарского> Княгинѣ Марьѣ, и матери его Княгинѣ Марьѣ быть меньше Княжъ Михайловы Княгини Лыкова не вмѣстно, а мочно матери его Княгине Марьѣ больше быть Княжъ Михайловы Княгини Лыкова, Княгини Марьѣ, многими мѣсты» ([Иванов 1838, с. 271, 272 <№ X>]; ср.: [Муханов 1836, с. 150 <№ 93>]). Одна из этих княгинь-тезок при этом была в крещении *Евфросинией*, тогда как другая *Евфимией* (у самой же царицы Марии второго имени, по-видимому, не было). Носители имени *Дмитрий*, которое было сверхпопулярно в качестве публичного, оказываются обладателями целого спектра разнообразных непубличных имен, таких как *Авраамий, Арефа, Даниил, Иларион, Каллистрат, Косма, Лонгин, Нестор, Никита, Никифор, Софроний, Уар, Фома, Хрисанф*.

[5] Так появляются антропонимические комбинации из публичного *Василий* и непубличного *Иван* (Василий / Иван Спякин [Поздеева, Кашкарова, Леренман 1980, с. 115 <№ 235>]), из публичного *Степан* и непубличного *Федор* (Федор / Степан Янов [ДР, III (1852): 1486]; ср.: [Там же, с. 1382, 1427, 1467, 1491]), из публичного *Петр* и непубличного *Андрей* (Петр / Андрей Шерефединов [Рыбаков 1987, с. 111 <л. 403>]).

[6] Ср., например, случай Григория / Виктора Бугримова, где, вопреки ожиданию, публичным оказывается достаточно экзотическое для средневекового мирянина *Виктор*: «А что оставаетца вотчина сына моево бывъшего Григорья, а прозвище Вихтора <...> тою вотчиню благословил сын мой Григорей братью свою Векентья да Обрама, отходя сего света...» ([АСЗ, IV (2008), с. 50 <№ 66>]; ср.: [Берелович 2010, с. 665]).

посмотрев на два христианских имени одного и того же лица, нельзя без дополнительных данных надежно установить, какое из них было публичным. Тем не менее общая тенденция такова, что раритетный антропоним скорее окажется непубличным.

Итак, публичное имя подбиралось по семейно-родовым, а отчасти и по социальным предпочтениям. Выбор же имени непубличного, по всей видимости, был связан с датой рождения — в определенном смысле оно не выбиралось людьми, но выпадало Божьим промыслом[7]. Весьма ценно, что в одном из источников, относящихся к Федору / Епифанию (Кормовая книга ярославского Спасского монастыря), напрямую указывается, что имя *Епифаний* непосредственно задано днем его появления на свет:

> Мая въ 12 день, кормъ кормити по князѣ Ѳеодорѣ Андреевичѣ Телятевскомъ, а имя ему Епифаний, на его рожденіе [Вахрамеев 1896, с. 30].

Эксплицитные указания подобного рода встречаются не так уж редко[8], но пополнение их коллекции позволяет убедиться,

[7] Если нарекающие располагали сколько-нибудь полным месяцесловом, то некоторая свобода выбора у них все равно оставалась, ведь в один и тот же день церковь отмечает память нескольких святых, а не какого-то одного. С другой стороны, о широте этого выбора зачастую судить довольно трудно, коль скоро мы не знаем наверняка, каким именно месяцесловным источником пользовались при наречении.

[8] Так, у нас есть точные и непосредственные указания источников относительно того, что целый ряд представителей правящего дома Рюриковичей получили свои вторые имена по дню появления на свет. Мы имеем в виду Ивана / Тита Грозного, двух его сыновей, Федора / Ермия и Дмитрия / Уара, его отца, Василия / Гавриила, его дядю, Андрея / Евсигния, его кузена, Дмитрия / Евлампия, и его деда Ивана / Тимофея. Сведения подобного рода династическим имянаречением отнюдь не ограничиваются, эксплицитные ремарки, устанавливающие связь дня рождения и выбора одного из христианских имен, есть, к примеру, в поминальных записях по князю Алексею / Агапиту Львову [Оболенский 1853, с. 13; Вахрамеев 1896, с. 28], по Дмитрию / Авраамию Обрезкову [Вахрамеев 1896, с. 21, 32], по князю Роману / Ермолаю Троекурову [Вахрамеев 1896, с. 35], по князю Дмитрию / Софронию Долгорукому [ПСРЛ, XXXIII (1977), с. 219], по князю Ивану / Сергею Татеву [Шумаков, Шохин 2002, с. 50 <№ 129. В. 2241

что в целом непубличные имена на Руси давались именно по дню рождения. Заодно такие свидетельства дают возможность точно установить, в честь какого из святых тезок календаря нарекаемый был назван[9]. 12 мая отмечается память св. Епифания Кипрского, который еще не раз будет упомянут в связи с посмертным поминовением князя Телятевского.

Весьма вероятно, что в честь Епифания Кипрского Федор Андреевич и был крещен — хотя напрямую ни один источник об этом не говорит, такие указания, как «...а имя ему Епифаний», «прямое имя — Епифаний», «молитвенное имя» и т. п., за редким исключением, маркируют имя, полученное при крещении[10]. Так или иначе, относительно небесного покровителя князя по имени *Епифаний* никаких сомнений у нас нет. Вполне характерным образом, по завещанию Телятевского в Кирилло-Белозерском монастыре над его гробом была воздвигнута цер-

(4–6). 138 (копия)>], по князю Тимофею / Фотию Трубецкому [Арсеньев 1911, с. 404].

[9] Такая возможность оказывается тем более ценной, что во многих других случаях, не зная точной даты именин того или иного лица, мы можем лишь пытаться реконструировать, в честь кого именно святых-тезок или по которому из нескольких празднований одному и тому же святому конкретный человек был наречен. Так, обладатель имени *Василий* мог быть назван, например, по свв. Василию Великому, Василию Парийскому, Василию Анкирскому и т. д. С другой стороны, наречение в честь апостола Петра могло быть связано с апостольскими празднованиями 29 и 30 июня, а могло и с 16 января, днем поклонения честным веригам апостола Петра. Обладатель же имени Епифаний мог быть наречен не только в честь Епифания Кипрского, но и во имя св. Епифания Мелитинского (7 ноября).

[10] Вообще говоря, если непубличное имя снабжено подобного рода характеристиками, оно в подавляющем большинстве случаев является и крестильным. Дополнительную осторожность нас заставляют проявлять лишь отдельные исключения из этого общего правила, характерные для конца XVI — XVII столетия, т. е. как раз для той эпохи, когда жил князь Федор / Епифаний. Правда, эти исключения скорее относятся к представителям правящего дома. Так, царевич Дмитрий / Уар Угличский был крещен *Дмитрием*, а не *Уаром*, хотя *Уар* в некоторых источниках характеризуется как его «прямое имя» ([ДРВ, III, с. 107 <1584 г.>; Кунцевич 1901, с. 110] ср.: [РИБ, XIII, с. 95]).

ковь Епифания Кипрского, в которой находился и образ этого святого, сохранившийся после неоднократных поновлений до сегодняшнего дня (хранится в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике)[11].

Таким образом, в наших знаниях о святых патронах этого князя Телятевского мы можем продвинуться хотя бы на один шаг далее, нежели, например, в сведениях о личных святых покровителях его отца. Князь Федор не был первым и единственным в своей семье обладателем двух христианских имен в миру. У его родителя, князя Андрея Андреевича, было еще одно имя — *Емелиан*, причем мы можем с большой долей уверенности утверждать, что *Емелианом* его нарекли в крещении. Дело в том, что под конец жизни он принял постриг и стал *Ермогеном* [Рыбаков 1987, с. 86 <л. 305 об.>], а иноческое имя в ту эпоху в подавляющем большинстве случаев подбиралось по созвучию с именем крестильным, и созвучие это чаще всего сводилось к совпадению начальных букв крестильного и монашеского имен (см. подробнее: [Успенский, Успенский 2017; Литвина, Успенский 2018]). При всем том никаких данных относительно небесного патрона Андрея / Емелиана Телятевского по какому бы то ни было из его имен до нас не дошло, да и круг источников, который позволяет говорить о его мирской двуименности, несравненно уже, чем набор всевозможных документов, где так или иначе зафиксированы имена его сына. Необычной информативности этих текстов относительно деталей именования младшего из двух князей Телятевских немало способствовала, как уже упоминалось выше, чрезвычайная щедрость Федора / Епифания, не оставившего после себя детей, к Кирилло-Белозерскому монастырю.

Нельзя ли, однако, извлечь из источников, происходящих из этого монастыря, какие-либо сведения, в честь кого из многочисленнейших святых по имени *Федор* было дано

[11] Ср. свидетельство Приходно-расходной книги старца Феоктиста Колединского 7153 г.: «Поставлен храм каменный святаго Епифания Кипрскаго над телом князя Федора Андреевича Телятевскаго...» [Кирпичников, Хлопин 1985, с. 148].

Телятевскому-младшему его публичное имя? Вопрос этот интересен не только сам по себе, но и в перспективе установления общих принципов имянаречения тех, кто получал не одно, а два имени из месяцеслова.

Два христианских имени человека подбирались, как мы уже отмечали, на разных основаниях: одно из них было предзадано датой рождения, и здесь выбор, если он вообще был, оказывался весьма ограниченным, тогда как другое давалось куда более свободно, в соответствии с семейно-родовыми предпочтениями. Существовала ли, однако, между этими именами какая-либо связь?

Некоторое количество репрезентативных примеров позволяет предположить, что с оглядкой на календарь выбирались оба мирских христианских имени. Если непубличное имя было связано с календарем весьма жестко, то второе — публичное, устраивающее семью нарекаемого — как правило, отыскивали в некоторых календарных окрестностях его дня рождения, как бы пролистывая месяцеслов на небольшое количество дней вперед или назад. Иначе говоря, промежуток между празднованиями двум небесным патронам одного и того же лица, как правило, был невелик — от одного до двадцати–двадцати двух дней, а чаще всего занимал от нескольких дней до двух недель.

Больше всего сведений, позволяющих разглядеть этот календарный коридор, сохранилось, разумеется, о представителях правящей династии. Мы знаем, например, что царь Иван Грозный получил одно из своих имен в честь Иоанна Предтечи, а другое — в честь апостола Тита. Известно при этом, что родился он 25 августа, в тот день, когда в числе прочих отмечается память апостола Тита, тогда как Усекновение главы Иоанна Предтечи приходится на 29 августа, т. е. на пятый день после рождения. Дата появления на свет уже упоминавшегося нами младшего сына Грозного, царевича Дмитрия / Уара, приходится на 19 октября, на память св. Уара. Память же Дмитрия Солунского отмечается, как известно, 26 октября, т. е. на восьмой день по рождении царевича. Его старший брат, царь Федор Иванович, родился 31 мая и, соответственно, получил свое не-

публичное имя *Ермий* по одному из празднований этого дня. *Федором* же он стал в честь Феодора Стратилата, память которого отмечалась на девятый день по рождении наследника (8 июня). Дед и тезка Ивана Грозного, Иван III, обладал еще одним именем — *Тимофей*. Он появился на свет 22 января, и его небесными покровителями стали апостол Тимофей и Иоанн Златоуст, память которых отмечается соответственно 22 и 27 января, т. е. память Иоанна Златоуста приходится на шестой день по отношению к памяти апостола Тимофея. Дмитрий Внук, которого одно время прочили в наследники Ивану III[12], был еще и *Евлампием* — на свет он появился 10 октября 1483 г. [ПСРЛ, VIII (1859), с. 215], когда церковь отмечает память Евлампия и Евлампии, мучеников Никомидийских, тогда как *Дмитрием* он стал по Дмитрию Солунскому, память которого празднуется 26 октября. Шестнадцатидневный промежуток отнюдь не казался нарекающим слишком протяженным — по-видимому, значительная часть октября и начало ноября были окрашены поминовением Дмитрия Солунского, одного из самых излюбленных княжеских и общерусских святых[13]. В свою очередь, Василий III, отец Ивана Грозного, был обладателем еще одного имени — *Гавриил*. Рождение его по разным источникам приходится на 25 марта (Благовещение) или на 26 марта (Собор Архангела Гавриила), тогда как память Василия Парийского, еще одного патронального святого великого князя, приходится на 12 апреля и отстоит от даты, связанной с архангелом Гавриилом, на девятнадцать или двадцать дней.

Работу этого принципа календарной связности при выборе двух имен удается проследить и за пределами правящего дома. Приведем лишь несколько наиболее выразительных примеров. Скончавшийся в 1597 г. Владимир Васильевич Головин был крещен в честь св. Елеазара [Алексеев 2006, с. 39 <л. 31 об.>], память которого отмечается 1 августа, а свое публичное имя (*Владимир*) получил, со всей очевидностью, по равноапостольному князю Владимиру, празднование которому приходится на 15 июля. Государев дьяк Юрий Сидоров, один из тех, кого Иван Грозный казнил во Пскове, был обладателем еще одного имени — *Софония*, причем поминать его предписывалось как на память пророка Софонии (3 декабря), так и на совершенно определенный «юрьевский день» — на Освящение церкви Св. Георгия в Киеве (26 ноября) ([Алексеев 2010, с. 41–42 <л. 55 об.–57>; Шаблова 2012, с. 119 <л. 171>]; ср.: [Сахаров 1851, с. 63; Майков, 1909: 8]). Именины князя Бориса Михайловича Лыкова, современника нашего Федора Телятевского, приходились на 18 июля, поскольку крещен он был в честь св. Емелиана Доростольского, поминали же его как 18, так и 24 июля, в день свв. мучеников Бориса и Глеба [Кормовая книга Новоспасского монастыря..., 1903, с. 24, 27]. Тезка Лыкова по публичному имени, Борис Иванович Сукин, в крещении звался *Каллиник* [Алексеев 2010, с. 38 <л. 44 об.–45>] — как свидетельствует запись о вкладе его сына [АСЗ, III (2002), с. 341 <№ 416>], это имя было дано ему по св. Каллинику Гангрскому, память которого отмечается 29 июля и, соответственно, отстоит от памяти св. Бориса на шесть дней.

Массив данных, согласно которым оба светских имени — наверняка или с большой вероятностью[14] — давались таким

[12] Ивану Грозному Дмитрий приходился двоюродным братом, хотя между рождением одного и появлением на свет другого прошло немногим менее полувека.

[13] В этом отношении весьма показательно свидетельство Тверской летописи, где сообщается, что этот сын Ивана Молодого и Елены Волошанки родился «о Дмитріеви дни» [ПСРЛ, XV (1863), с. 499] — очевидно, таким образом, что дата его появления на свет представлялась как нечто вполне укладывающееся в календарные окрестности этого праздника.

[14] Приведем несколько антропонимических эпизодов, где календарная связность имен одного и того же лица, хотя и не доказывается бесспорно, но представляется более чем вероятной. Так, известно, что скончавшийся в 1662 г. князь Волынский обладал в миру именами *Андрей* и *Наум* [Власьев 1911, с. 151–152]. Память пророка Наума отмечается в году лишь единожды — 1 декабря, так что именины князя только на этот день и могли приходиться. Существенно, однако, что на 30 ноября, т. е. канун празднования пророку Науму, приходится память едва ли не самого прославленного из свв. Андреев — апостола Андрея; на день же следующий после памяти пророка Наума, на 2 декабря, выпадает память Андрея Пустынника. Иначе говоря, день пророка Наума с обеих сторон плотно окружен «андреевски-

образом, что празднования соответствующим святым были разделены лишь небольшим календарным промежутком, достаточно велик, так что мы, безусловно, можем говорить об устойчивости этой тенденции. Масштабы ее распространения, однако, оценить не так просто. Большинство обладателей христианской двуименности в церковной жизни отдавали явное предпочтение своему патрону по крестильному имени — именно к его празднованию приурочивались заздравные и поминальные корма, именно его изображения в первую очередь появлялись на семейных иконах, именно с ним связывалось церковное строительство[15]. Лишь немногие люди той эпохи

ми» днями. Естественно допустить, что два имени для князя Волынского выбирались с учетом этой связи. Владимир Пивов мог получить свое публичное имя исключительно по равноапостольному князю Владимиру, чья память отмечается 15 июля. У Пивова при этом имелось и непубличное имя, *Акилла* [Вахрамеев 1896, с. 22]. Святых с таким именованием в месяцеслове двое, существенно, однако, что память более популярного из них — апостола Акиллы из 70 — приходится как раз на 14 июля, канун празднования св. Владимиру, так что предположение о календарной связности двух мирских имен Пивова выглядит весьма правдоподобно. Знаменитый думный дворянин и печатник Башмаков († 1705), который, как гласит его эпитафия, 72 года трудился на государственном поприще, обладал публичным именем *Дементий* (*Дометий*) и непубличным *Евсигний*, причем в крещении, судя по всему, он был именно *Евсигнием* [Мартынов 1895 (№ 6), с. 233–234]. Память св. Евсигния празднуется один день в году — 5 августа, 7 же августа отмечается память одного из двух (и притом более заметного) свв. Дометиев, Дометия Персиянина, так что и здесь календарная связь двух имен нарекаемого выглядит весьма вероятной. Число такого рода примеров можно многократно умножить.

[15] Здесь можно вспомнить, например, князя Прозоровского († 1669), который в своей публичной жизни был известен как *Матфей*, однако своей внучке он завещает образ мученика Евсигния, своего тезки по крестильному имени [Лобачев 1998, с. 339 <№ 3>]; при этом никаких изображений апостола Матфея в документах, связанных с князем Прозоровским, не фигурирует вовсе. Князь Юрий Оболенский благословляет свою дочь иконой трех святых, свв. Евсигния, Владимира и Евфросинии [АФЗХ, II, с. 210 <№ 207>]. В этом изображении запечатлены крестильные имена князей Старицких, Андрея / Евсигния, его жены Евфросинии (в мон. Евдокии) и их сына Владимира / Иакинфа. Князь Оболенский был не только боярином Владимира Андреевича Старицкого, но и его ближайшим свойственником (мужем тетки), а его дочь соответственно приходилась Владимиру

располагали достаточными возможностями, чтобы оставить, так сказать, материальные следы почитания сразу двух своих личных патрональных святых. Устойчивой практикой это становилось, по-видимому, для великих князей и их ближайших родственников, и лишь изредка подобный обычай прорывается в церковный обиход царских приближенных, а иногда и других весьма богатых или чрезвычайно благочестивых людей. Потому-то мы зачастую можем только догадываться о том, кто был патроном того или иного лица по публичному имени. Действительно, публичными чаще всего становились имена, которые носило множество святых из месяцеслова (*Иван, Федор, Василий, Андрей* и т. д.), а в отношении указаний, кто из них стал донатором имени конкретного лица, мы испытываем, как уже говорилось, весьма ощутимый дефицит.

В такой ситуации можно действовать по аналогии и допустить, что из всех трех десятков свв. Феодоров месяцеслова в качестве небесного покровителя Федора / Епифания Телятевского был избран тот, чей праздник ближе всего по календарю ко дню

Андреевичу двоюродной сестрой (см. подробнее: [Литвина, Успенский 2019 (а)]). Принадлежащие к совсем иному сословию братья Апраксины, Федор, Петр, Андриан и Никита, возводя по обету церковь св. Василиска в московском Златоустовском монастыре, устраивает там два каменных придела, св. Конона и св. Корнилия [Григорий Воинов 1914, с. 136 <прилож.>]. *Корнилием* звался сын старшего из них, Федора, а во имя Конона Градаря этот Федор был крещен сам [Литвина, Успенский, 2018, с. 270–274]. Существование такой дистрибуции, когда человек в повседневной жизни пользуется своим публичным именем, а его вклады и пожертвования связаны с патрональным святым по другому, крестильному, имени — это вполне типичный источник исследовательских затруднений при атрибуции и идентификации различных артефактов. Так, княгиня Анна Федоровна Ногтева (урожд. Татева) пожертвовала в монастыри несколько икон, на полях которых обнаруживаются, в частности, образы св. Митрофана Цареградского и мученика Елевферия. Связь этих икон с семьями Татевых и Ногтевых была установлена далеко не сразу, и существенным аргументом для их атрибуции служит то обстоятельство, что отец княгини, в подавляющем большинстве текстов фигурирующий как *Федор*, был в крещении *Митрофаном*, а ее муж, известный как *Даниил Андреевич Ногтев*, был обладателем еще одного имени — *Елевферий* (см. подробнее: [Литвина, Успенский 2019 (б)]).

памяти св. Епифания (12 мая). Согласно этой модели, им должен был бы оказаться не кто иной, как св. Феодор Освященный — празднование ему приходится на 16 мая. На Руси этот святой был издавна весьма популярен, так что по всем параметрам он прекрасно подходил в качестве небесного покровителя отпрыску княжеской семьи.

Однако подобное допущение — при всей его логичности — в отсутствие конкретных данных оставалось бы не более чем гипотезой, которую едва ли следовало бы класть в основу каких-то дальнейших построений относительно бытования русской христианской двуименности. В случае же с Федором Телятевским оно, счастливым образом, задает направление поиска, который обеспечивает нас более конкретными данными о его небесном тезке. Ни он сам, ни его близкие не устанавливали никаких кормов на память свв. Феодоров из месяцеслова, до наших дней не сохранилось никакой принадлежащей ему иконы или иного предмета с изображением его патронального святого по публичному имени[16]. И все же объекты такого рода, свидетельствующие о почитании князем Телятевским обоих своих святых тезок, в свое время существовали. Об этом недвусмысленно свидетельствует Опись Кирилло-Белозерского монастыря, составленная в 1668 г., причем ощутимый, хотя и неоднозначный, результат дает здесь лишь последовательное сопоставление различных показаний этого источника.

Так, в тексте есть описания икон-пядниц, находящихся в церкви над гробом Кирилла Чудотворца, среди которых обнаруживается следующее:

> ...кіотъ створной, оболоченъ бархатомъ чернымъ, науголники и петли и крюки и колцо, все серебряное, бѣлое, рѣзное, на притворѣхъ писаны Праздники Владычни, въ верху Живоначалная Троица, обложено серебромъ рѣзнымъ, золочено, а въ немъ образъ Епифанія Кипрскаго да Ѳеодора Освященнаго... [Церкви и ризницы Кирилло-Белозерского монастыря... 1861, с. 185].

[16] В работе Т. Е. Казакевич [2006, с. 98] несколько голословно утверждается, что патроном князя Телятевского был Федор Стратилат — именно этим объясняется, в частности, появление изображения св. Федора Стратилата в арке входа в алтарь Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. Основания для такого решения в работе не раскрываются.

Нельзя не заметить, что речь идет об иконе, на которой изображены двое святых, Епифаний Кипрский и Феодор Освященный, жития и общецерковный культ которых сами по себе никак друг с другом не связаны. Обыкновенно парные изображения такого рода и фиксируют христианскую двуименность донатора, почитание им обоих небесных тезок. Достаточно вспомнить здесь целый ряд вкладов, связанных с семьей царя Федора Ивановича, обладавшего вторым именем *Ермий*, где соседствуют Феодор Стратилат и апостол Ермий [Литвина, Успенский 2019], или икону, пожертвованную Дмитрием / Космой Пожарским в монастырь Макария Желтоводского, где на одной стороне был изображен Дмитрий Солунский, а на другой — св. Косма Бессеребренник [Эскин 2000, с. 144]. Соблазнительно предположить, таким образом, что если на этой иконе, упомянутой в Описи, изображен св. Епифаний Кипрский, заведомо связанный с Федором Телятевским, то связана с ним и самая икона, а соответственно второй изображенный на ней святой — Федор Освященный, так хорошо «подходящий» князю по имени и по календарным соображениям, является его вторым небесным покровителем. Отметим, впрочем, что в самом описании данной иконы никаких отсылок к фигуре князя Телятевского не содержится.

Замечательно, однако, что прямое указание на тот факт, что некая икона с парным изображением свв. Епифания Кипрского и Феодора Освященного (вероятно, та самая, о которой шла речь в предыдущей цитате), была поминальным вкладом именно по нашему Федору / Епифанию Андреевичу, есть в другом фрагменте этого источника, описывающем, казалось бы, совсем иной артефакт. Здесь говорится о помещенном в киот кресте из монастырской большой ризницы, который был украшен драгоценными камнями:

> ...надъ главою и по ручкамъ семь камней червчатыхъ, яхонты да четыре каменя изумруды въ гнѣздѣхъ, а тѣ каменіе червча-

тые яхонты и изумруды взяты отъ образа Святого Епифанія Кипрскаго, да Ѳеодора Освященнаго, обложенъ золотомъ, образъ стоитъ въ церкви Кирилла Чюдотворца надъ гробомъ, даяніе по князѣ Ѳедорѣ Андреевичѣ Телятевскомъ [Церкви и ризницы Кирилло-Белозерского монастыря... 1861, с. 260].

Итак, благодаря тому что камни из оклада парной иконы свв. Епифания и Феодора Освященного были перенесены на крест, мы узнаем, что такая икона не просто существовала в монастыре, но и была напрямую связана с фигурой князя Телятевского. Казалось бы, все сходится. Руководствуясь календарными соображениями, можно вычислить, что коль скоро родившемуся 12 апреля князю Телятевскому решили дать публичное имя *Федор*, то в качестве небесного патрона по этому имени ему более всего подходил св. Феодор Освященный (16 мая), а поминальный вклад по нему свидетельствует, что именно св. Феодора Освященного князь и чтил вместе с Епифанием Кипрским в числе своих личных покровителей.

Задачу можно было бы считать решенной, а все рубрики антропонимического досье князя Телятевского надежно и правильно заполненными, если бы не еще одно свидетельство все той же монастырской Описи 1668 г. Здесь, среди прочих описаний пелен, которые прикреплялись к почитаемым иконам, есть и та, что названа вкладом Федора Андреевича:

Пелена не велика, шита золотомъ и серебромъ по отласу червчату. Святитель Епифаний Кипрскій да Ѳеодоръ Едескій, по главѣ Спасовъ образъ <...> а та пелена положена въ ризницу изъ церкви Чюдотворца Кирилла отъ образа Епифанія Кипрскаго, который стоитъ надъ Чюдотворцовымъ гробомъ, окладъ золотой; даяніе князя Ѳедора Андреевича Телятевского [Церкви и ризницы Кирилло-Белозерского монастыря... 1861, с. 313]

Как нетрудно убедиться, мы снова обнаруживаем здесь фигуру св. Епифания Кипрского, но соседствует с ней, вопреки нашим ожиданиям, вовсе не св. Феодор Освященный,

а св. Феодор Едесский, чья память отмечалась 9 июля[17]. Что послужило причиной такого разнобоя, почему в двух местах рядом с Епифанием Кипрским в тексте фигурирует Феодор Освященный, а в одном — Феодор Едесский? Быть может, составитель Описи попросту ошибся и неправильно интерпретировал надпись или изображение на пелене? Или князь синкретическим образом почитал сразу двух своих тезок по публичному имени? Или Феодор Едесский был святым покровителем не самого князя, а кого-то из его ближайшей родни?

Все три эти версии имеют право на существование. Можно привести немало примеров путаницы в том, что касается изображений одноименных святых или святых с похожими именами[18]. Синкретическое почитание сразу нескольких небесных тезок свойственно, скорее, эпохе более древней, однако время от времени казусы такого рода наблюдаются и в XVI–XVII вв. Так, из множества источников известно, что небесными покровителями Василия III были Архангел Гавриил и Василий Парийский, однако на иконе XVI в. из московского Архангельского собора великий князь изображен рядом с другим св. Василием — Василием Великим. Одним из вкладов по князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому, скончавшемуся в 1625 г., стала фелонь с дробницами, на одной из которых была изображена Анна, патрональная святая вкладчицы, жены князя Анны Васильевны, а на другой — царевич Дмитрий [Спирина 2007, с. 317]. Очевидно, что по соображениям хроно-

[17] Писавший об этом известии из Описи 1668 г. А. С. Петров [2010, с. 79] подчеркивает, что «появление на пелене изображения св. Феодора не может быть объяснено ничем иным, как желанием князя добавить образ своего святого покровителя». При этом исследователь, по всей видимости, не учитывает и вовсе никак не комментирует мирскую христианскую двуименность Телятевского, говоря лишь «об особом почитании князем святого Епифания» [Там же, с. 80 <примеч. 61>]; ср. также: [Фролов 2010, с. 276]).

[18] Достаточно вспомнить, например, что в XVII в. в комментариях отдельных источников к изображениям, а иногда и к событиям, связанным с сыном Грозного, царем Федором / Ермием, на месте его небесного патрона по дню рождения — апостола Ермия — может неожиданно появляться пророк Иеремия [Литвина, Успенский 2019].

логии Трубецкой никак не мог быть наречен в честь последнего сына Ивана Грозного — налицо, скорее, особое почитание новопрославленного тезки князя, причем, по всей видимости, и царевич, и Трубецкой были крещены в свое время в честь Дмитрия Солунского. Знаменитого Малюту Скуратова, который был носителем не христианской, а, так сказать, классической двуименности (некалендарное *Малюта* сочеталось у него с крестильным *Григорий*), предписывалось поминать на день кончины (1 января) и на Григория, епископа Великой Армении (30 сентября). К этой последней дате при жизни Малюты было приурочено и празднование новопрославленному святому Григорию Пельшемскому. При этом не кто иной, как Иван Грозный, устанавливает по своему любимцу корм на 25 мая, на дату, к которой в некоторых месяцесловах приурочена память другого Григория, чудотворца Печерского [Башнин, Корзинин 2017, с. 178-179].

Наконец, если говорить об еще одной возможности, мы знаем, что Федор Андреевич был последним представителем княжеского рода и умер бездетным, но это не значит, что у него не могло быть, например, скончавшегося в раннем возрасте наследника. Публичное имя отца вполне могло бы стать крестильным для сына, и в таком случае в качестве небесного покровителя ему, как правило, избирался другой патрональный святой. Разумеется, это допущение носит сугубо гипотетический характер, и догадки такого рода можно выстраивать в самых разных направлениях.

Мы скорее склонялись бы к версии, подразумевающей ошибку составителя Описи, но никакими бесспорными доказательствами в ее пользу — впредь до обнаружения каких-либо новых данных — мы не располагаем. Таким образом, русская христианская двуименность, отразившаяся в казусе Федора / Епифания Телятевского, предстает перед нами не только во всей полноте, но и во всей загадочности и неоднозначности.

Литература

Алексеев 2006 — Вкладная и Кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подгот. текста, вступ. ст., сост. коммент. и словаря терминов А. И. Алексеев; сост. именного указателя А. И. Алексеев, А. В. Маштафаров // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–184.

Алексеев 2010 — *Алексеев А. И.* Первая редакция Вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 17–117).

Арсеньев, 1911 — *Арсеньев В. С.* Вкладная книга Брянского Свенского монастыря // ИРГО. 1911. Вып. IV. Отд. II. С. 392–433).

АСЗ, I–IV = Акты служилых землевладельцев XV–XVII веков. Т. I–IV. М., 1997–2008.

АФЗХ, I–III = Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. / Отв. ред. Л. В. Черепнин; подгот. А. А. Зимина, Л. В. Черепнина. Ч. I–III. М., 1951–1961.

Башнин, Корзинин 2017 — *Башнин Н. В., Корзинин А. Л.* Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова // Российская история. 2017. № 2. С. 172–188.

Берелович, 2010 — *Берелович А.* Род Бугримовых в начале XVII в. // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время: Сб. статей памяти академика Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 659–671.

Варлаам 1859 — Описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белоезерском монастыре, составленное архимандритом Варлаамом // ЧОИДР. 1859. Кн. III. Июль–Сентябрь. Отд. 1: Исследования. С. 1–104.

Вахрамеев 1896 — Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / Изд. И. А. Вахрамеевым. Т. III: Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение: Книга кормовая. М., 1896.

Власьев 1911 — *Власьев Г. А.* Род дворян Волынских // ИРГО. 1911. Т. IV. Отд. II: Родословия. С. 127–201.

Глызина 2009 — *Глызина Л. И.* Был ли князь Ф. А. Телятевский иноком Епифанием? // Вестник Кирилло-Белозерского музея. 2009. № 6. Сентябрь.

Григорий Воинов 1914 — *Григорий (Воинов).* Историческое описание московского Златоустовского монастыря. М., 1914.

ДР, I–IV = Дворцовые разряды, высочайшим повелением изданные II–м отделением собственной его императорского величества канцелярии. Т. I–IV. СПб., 1850–1855.

ДРВ, I–XX = Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым. 2-е изд., вновь испр. Ч. I–XX. М., 1788–1791.

Иванов 1838 — Дела по местничеству / Собр. П. И. Иванов // Русский исторический сборник, издаваемый обществом истории и древностей Российских. Т. II/1–4. М., 1838.

ИРГО, I–IV = Известия русского генеалогического общества. СПб., 1900–1911.

Казакевич 2006 — *Казакевич Т. Е.* Стенопись Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря // Ферапонтовский сборник. Вып. 7. М., 2006. С. 79–115.

Катасонова 2006 — *Катасонова Е. Ю.* Материалы к иконографии покровцов в лицевом шитье. Ч. 2 // Убрус. Церковное шитье и современность. Вып. 6. СПб., 2006. С. 3–41.

Кирпичников, Хлопин 1985 — Новые документы о строительной деятельности Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке / Публ. подгот. А. Н. Кирпичников и И. Н. Хлопин // Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 4. Вып. 1: Документы дореволюционного периода. Вологда, 1985. С. 145–162.

Кормовая книга Новоспасского монастыря... 1903 — Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря. М., 1903.

Кунцевич 1901 — *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве (ея списки) // Сб. ОРЯС. 1901. Т. LXIX. С. 1–126.

Литвина, Успенский 2006 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики, М., 2006.

Литвина, Успенский 2006 (а) — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Заметки о дополнительных христианских именах и почитании святых в культуре средневековой

Руси // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 273–291.

Литвина, Успенский 2018 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // Средневековая Русь. Вып. 13 / Отв. ред. А. А. Горский. М., 2018. С. 241–280.

Литвина, Успенский, 2018 (а) — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Исчисление имени: светская христианская двуименность XV–XVII вв. и возможности ее реконструкции // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXI Международной научной конференции. Москва, 12–14 апреля 2018 г. М., 2018. С. 23–26.

Литвина, Успенский 2018 (б) — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.*. Как звали думного дьяка Ивана Елеазаровича Цыплятева? (Из истории имянаречения в XVI в.) // «Вертоград многоцветный»: Сб. к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 387-396.

Литвина, Успенский 2018 (в) — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Русская христианская двуименность в филологической перспективе — из ономастического комментария к «Временнику» Ивана Тимофеева // Slavistična revija. 2018. Letnik 66, št. 3: julij–september. С. 333–354.

Литвина, Успенский 2018 (г) — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Манифестация связи с правящим домом в женских именах: Ранние Романовы и семья Дмитрия Годунова // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74): Декабрь. С. 63–79.

Литвина, Успенский, 2019 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* К уточнению имен и дат в семье царя Федора Ивановича // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 61–66.

Литвина, Успенский 2019 (а) — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции // Die Welt der Slaven. 2019. Jhrg. 64. Heft 1. С. 108–127.

Литвина, Успенский 2019 (б) — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Две иконы из собрания Московского Кремля («Богоматерь Владимирская» и «Спас Вседержитель»):

Ономастические ключи к проблеме атрибуции // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXII Международной научной конференции. М., 2019.

Лихачев 1900 — *Лихачев Н. П.* Двойные имена // Известия русского генеалогического общества. 1900. Вып. I. Отдел I. С. 126–128.

Лихачева 1995 — *Лихачева Л. Д.* Шитые произведения из собрания Кирилло-Белозерского монастыря, связанные с родом Голициных // Древнерусское художественное шитье. М., 1995. (Музеи московского Кремля: Материалы и исследования. Вып. X) С. 103–115.

Лобачев 1998 — *Лобачев С. В.* Изучение генеалогии боярской аристократии XVII века на материале духовных завещаний // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Кн. VIII. СПб., 1998. С. 314–337.

Майков 1909 — *М[айков] В.* Книги Кормовыя. СПб., 1909.

Мартынов 1895 — *[Мартынов А. А.].* Надгробная летопись Москвы. Уцелевшие надгробные надписи в московских церквах, собранные А. А. Мартыновым // Русский архив. 1895. № 2. С. 279–284; № 3. С. 408–413; № 4. С. 549–554; № 5. С. 97–109; № 6. С. 219–240; № 7. С. 383–395; № 8. С.521–528.

Морошкин 1863 — *Морошкин М. Я.* О личных именах у русских и славян // Известия имп. археологического общества. 1863. Т. IV/4. С. 517–533.

Муравьев, 1999 — *Муравьев А. Н.* Русская Фиваида на Севере. М., 1999.

Муханов 1836 — *Муханов П. А.* Сборник <документов по русской истории> Муханова. М., 1836.

Оболенский 1853 — Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича (по списку Князя Оболенского) / Изд. К. М. Оболенского. М., 1853.

Павлов-Сильванский 1985 — Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / Под ред. В. И. Корецкого; подгот. текста и вступ. ст. В. Б. Павлова-Сильванского. М., 1985.

Петров 2010 — *Петров А. С.* Шитый образ под иконой: Изображения на подвесных пеленах // Церковное шитье

в Древней Руси: Сб. статей / Ред.-сост. Э. С. Смирнова. М., 2010. С. 69–81.

Поздеева, Кашкарова, Леренман 1980 — *Поздеева И. В., Кашкарова И. Д., Леренман М. М.* Каталог книг кириллической печати XV–XVII вв. Научной библиотеки Московского университета. М., 1980.

ПСРЛ, I–XLIII = Полное собрание русских летописей. Т. I–XLIII. СПб. (Пг./Л.); М., 1841–2004.

РИБ, I–XXXIX = Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. I–XXXIX. СПб. (Пг./Л.), 1872–1927.

Рыбаков 1987 — Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987.

Сахаров 1851 — Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря / Публ. И. П. Сахарова // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Археологического общества. СПб., 1851. Т. I. Отд. 3. С. 46–89.

Соловьева 2002 — *Соловьева Т. Б.* Русская антропонимическая лексика конца 15–16 вв. // Slavica Gandensia. 2002. Vol. XXIX. С. 171–176.

Соловьева 2006 — *Соловьева Т. Б.* К вопросу о дуальности личных имен календарного происхождения в именовании людей в России XVI–XVII вв. // Памяти Лукичева: Сборник статей по истории и источниковедению / Сост. Ю. М. Эскин. М., 2006. С. 686–696.

Спирина 2007 — *Спирина Л. М.* Серебряные лицевые дробницы из облачения духовенства XVI–XVII вв. из бывшего собрания Троице-Сергиева монастыря (К вопросу о значении дробниц в оформлении облачений и их атрибуции) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Материалы IV Международной конференции, 29 сентября – 1 октября 2004 года. М., 2007. С. 314–324.

Тупиков 1903 — *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

Успенский 1996 — *Успенский Б. А.* Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. II. 2-е изд., испр. и доп. М., 1996. С. 187–202.

Успенский 2017 — *Успенский Ф. Б.* Христианская двуименность на Руси в XIV–XVI веках. Догадки и закономерности // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции. Москва, 13–15 апреля 2017 г. М., 2017. С. 41–44.

Успенский, Успенский 2017 — *Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. СПб., 2017.

Фролов 2010 — *Фролов А. А.* ПОДЕА: Декоративная ткань в византийском храме // Церковное шитье в Древней Руси: Сб. статей / Ред.-сост. Э. С. Смирнова. М., 2010. С. 265–282).

Харузин 1899 — *Харузин Н. Н.* К вопросу об употреблении некалендарных имен в допетровской Руси // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Т. II. Нежин, 1899. С. 150–171.

Церкви и ризницы Кирилло-Белозерского монастыря... 1861 — Церкви и ризницы Кирилло-Белозерского монастыря (По описным книгам 1668 г.) // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. русского Археологического общества. СПб., 1861. Т. II. С. 126–343.

Шаблова 2002 — Келарский обиходник старца Матфея Никифорова Кирилло-Белозерского монастыря 1655/1656 год / Подгот. текста, введение и археографическое введение, указ. Т. И. Шаблова. М., 2002.

Шаблова 2012 — Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой / Подгот. текстов и исследование Т. И. Шабловой. СПб., 2012.

Шумаков, Шохин 2002 — *Шумаков С. [А.]* Обзор «Грамот Коллегии Экономии». Вып. V: Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздалю, Юрьев-Польскому и Вологде / Сост. Л. И. Шохин. М., 2002.

Эскин 2000 — Завещание князя Дмитрия Пожарского / Публ. подгот. Ю. М. Эскиным // Отечественная история. 2000. № 1. С. 143–157.

Эскин 2013 — *Эскин Ю. М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013.

А. А. Булычев

Первые русские ордена в свете карнавальной культуры Петровского времени

История учреждения и первых лет существования высшего отличия Московского царства, а позднее и Российской Империи — Ордена Св. апостола Андрея Первозванного восстанавливается лишь гипотетически. Сегодня отсутствует даже общепризнанная дата его учреждения: одни историки полагают, что оно состоялось в 1698 г., другие относят это событие к 1699 г. (подробнее: Вилинбахов 2006, с. 13–14).

С большой долей уверенности можно утверждать, что идея учредить собственный орден впервые посетила царя Петра I Алексеевича во время его пребывания с Великим Посольством в Британии в 1698 г. и была прямо связана с фактической ликвидацией шотландской рыцарской корпорации — Ордена Чертополоха или Св. апостола Андрея — после победы «Славной революции» ноября — декабря 1688 г. Как известно, 26 мая 1687 г. английский король Иаков II Стюарт, одновременно правивший в Шотландии под именем Иакова VII, формально возобновил, а по сути, заново основал светский рыцарский Орден Чертополоха, посвященный небесному патрону Шотландского королевства Св. апостолу Андрею. В тот день он пожаловал в рыцари-компаньоны Чертополоха восемь пэров Шотландии, в числе которых оказались и ненавистные протестантам католики (всего на членство в этой орденской институции первоначально могли рассчитывать 12 человек). С бегством Иакова во Францию в конце декабря 1688 г. и воцарением на английском и шотландском престолах убежденного сторонника Реформации, штатгальтера Соединенных